

В судебную коллегию по делам военнослужащих
Верховного суда Российской Федерации
(через Северо-Кавказский окружной военный суд,
344038, г.Ростов-на-Дону,
проспект Михаила Нагибина, д.28/1)

от адвоката Областной адвокатской конторы
Нижегородской областной коллегии адвокатов
Заикина Петра Ивановича

в защиту подсудимого Магомедова Магомеднаби
(без отчества), 03.10.1972 г.р., осужденного за
совершение преступлений, предусмотренных ч.1
ст.205.2 УК РФ и ч.1 ст.282 УК РФ

АПЕЛЛЯЦИОННАЯ ЖАЛОБА

24.10.2016 года Северо-Кавказским окружным военным судом вынесен обвинительный приговор по уголовному делу в отношении Магомедова Магомеднаби, 03.10.1972 г.р., который признан виновным в действиях:

- направленных на возбуждение вражды по признаку религии, принадлежности к социальной группе, совершенных публично, т.е. в преступлении, предусмотренном ч.1 ст.282 УК РФ (в редакции Федеральных законов от 28.06.2014 года №179-ФЗ и от 03.02.2014 года №5-ФЗ), на основании которой ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок 3 (Три) года;

- публичном оправдании терроризма, т.е. преступлении, предусмотренном ч.1 ст.205.2 УК РФ (в редакции Федерального закона РФ от 07.12.2011 года №420-ФЗ), на основании которой ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок 4 (Четыре) года.

На основании ч.2 ст.69 УК РФ окончательное наказание по совокупности преступлений назначено в виде лишения свободы на срок 5 (Пять) лет, с применением п.«а» ч.1 ст.58 УК РФ, в исправительной колонии общего режима.

Срок отбывания наказания Магомедову М. постановлено исчислять с 24.10.2016 года, с зачетом срока отбывания наказания время задержания в порядке ст.ст.91, 92 УПК РФ, а также срока содержания под стражей в качестве меры пресечения с 08.04.2016 года по 23.10.2016 года.

Сторона защиты не согласна с указанным приговором по нижеизложенным основаниям:

1. Суд указал в приговоре, что виновность подсудимого Магомедова М. подтверждается показаниями свидетелей Кабаева, Абдулаева, Алиева, Базаева, Ашалова, Магомедова М.А. и Джамалова, которые якобы показали в суде, что подсудимый 05.02.2016 года в числе значительного количества прихожан призывал объединяться для оказания помощи мусульманам в связи с их притеснениями со стороны правоохранительных органов.

Однако указанные выводы суда не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании.

1.1. Допрошенный в судебном заседании 24.08.2016 года свидетель обвинения Кабаев Т.С. сообщил только о том, что Магомедова Магомеднаби говорил о необходимости «всем быть вместе», ничего не сообщал суду о призывах объединяться для оказания помощи мусульманам в связи с их притеснениями со стороны правоохранительных органов.

Весьма сомнительно, что речь священнослужителя к прихожанам, где присутствуют его суждения о необходимости «всем быть вместе» не может содержать в себе какой-либо криминальный подтекст, т.к. взаимная поддержка единоверцев – это одна из составляющих любой религии и несет в себе исключительно положительное содержание, основанное на основах на основах любой религиозной конфессии.

Соответственно указанные в приговоре выводы суда не подтверждаются показаниями Кабаева Т.С., данными им в судебном заседании.

1.2. Допрошенный в судебном заседании 12.09.2016 года свидетель обвинения Абдуллаев А.Э. сообщил суду то, что Магомедов Магомеднаби во время проповеди говорил только о единстве мусульман и о братстве мусульман. Каких-либо сведений, подтверждающих позицию обвинения о действиях Магомедова Магомеднаби противоправного характера указанный свидетель обвинения не предоставил. Он ничего не сообщал суду о призывах объединяться для оказания помощи мусульманам в связи с их притеснениями со стороны правоохранительных органов.

Соответственно указанные в приговоре выводы суда не подтверждаются показаниями Абдуллаев А.Э., данными им в судебном заседании.

1.3. Допрошенный в судебном заседании 19.08.2016 года Алиев М.У. сообщил суду, что Магомедов Магомеднаби обсуждая вопрос о притеснении прихожан предлагал собраться и решить вопрос путем переговоров, т.е. об исключительно мирном, ненасильственном способе решения имеющейся проблемы. В ходе допроса в судебном заседании он ничего не сообщал о каких-либо призывах Магомедова Магомеднаби объединяться именно для оказания помощи мусульманам в связи с их притеснениями со стороны правоохранительных органов.

Соответственно указанные в приговоре выводы суда не подтверждаются показаниями Алиев М.У., данными им в судебном заседании.

1.4. Допрошенный в судебном заседании 19.08.2016 года свидетель обвинения Базаев Р.Ш., вопреки содержанию описательно-мотивировочной части приговора, не говорил, что Магомедов Магомеднаби призывал объединяться для оказания помощи мусульманам в связи с их притеснениями со стороны правоохранительных органов.

Базаев Р.Ш. не подтвердил оглашенные по ходатайству прокурора его показания, полученные в ходе предварительного расследования, в которых шла речь о призывах Магомедова Магомеднаби к прихожанам, приверженцам религиозного салафитского течения в Исламе, к объединению против государственной власти и сотрудников правоохранительных органов. Базаев Р.Ш. сообщил суду, что он на допросе у следователя не говорил о призывах Магомедова Магомеднаби против властей и не слышал ничего подобного когда-либо в мечети.

Соответственно указанные в приговоре выводы суда не подтверждаются показаниями Базаева Р.Ш., данными им в судебном заседании.

1.5. Допрошенный в судебном заседании 19.08.2016 года свидетель обвинения Ашалов И.М., вопреки содержанию описательно-мотивировочной части приговора, не говорил, что Магомедов Магомеднаби призывал объединяться для оказания помощи мусульманам в связи с их притеснениями со стороны правоохранительных органов.

Оглашенные по ходатайству прокурора его показания, полученные в ходе предварительного расследования, он не подтвердил. В том числе он не подтвердил и содержащиеся в протоколе его допроса сведения о том, что в речи имама мечети Магомедова Магомеднабы были призывы о том, что салафитам необходимо объединяться против властей и сотрудников правоохранительных органов.

Он сообщил в ходе допроса в судебном заседании, что протокол подписывал, но не понял его содержание.

Указанный свидетель также дополнительно пояснил суду, что собрание было из-за притеснений и закрытия мечетей, в своей проповеди Магомедов Магомеднаби говорил о притеснениях со стороны отдельных представителей правоохранительных органов, действующих вопреки законам РФ.

Ашалов И.М. в ходе допроса в судебном заседании особо отметил, что Магомедов Магомеднаби высказывался против противостояния с властями, указав, что в проповеди имама Магомедова Магомеднаби шла речь о предложении решать вопросы о защите прав верующих исключительно путем мирного диалога с представителями органов власти.

Соответственно указанные в приговоре выводы суда не подтверждаются показаниями Ашалов И.М., данными им в судебном заседании.

1.6. Допрошенный в судебном заседании 06.09.2016 года свидетель обвинения Магомедов М.А., вопреки содержанию описательно-мотивировочной части приговора, в ходе допроса в судебном заседании не говорил, что подсудимый призывал к насилию и объединению для оказания помощи мусульманам в связи с их притеснениями со стороны правоохранительных органов.

Указанный свидетель в судебном заседании пояснил суду, что речь шла о необходимости совместного обсуждения вопроса о необходимости диалога с представителями органов власти с целью разрешения проблемы, связанной с незаконными действиями по закрытию мечетей.

В его оглашенных показаниях, полученных в ходе предварительного следствия, также не идет речь о призывах Магомедова Магомеднаби к насилию.

Таким образом, изложенные в тексте приговора сведения о содержании показаний указанного свидетеля не соответствуют действительному содержанию его показаний.

Соответственно вышеуказанные выводы суда, изложенные в приговоре, не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании.

1.7. Допрошенная в судебном заседании 19.08.2016 года свидетель обвинения Джамалова М.М. вопреки содержанию описательно-мотивировочной части приговора, не говорила, что подсудимый призывал объединяться для оказания помощи мусульманам в связи с их притеснениями со стороны правоохранительных органов.

Джамалова М.М. сообщила суду, что во время хутбы 05.02.2016 года Магомедов Магомеднаби говорил только о сплочении людей, необходимости поддерживать друг друга, помогать друг другу в сложных жизненных ситуациях.

Соответственно указанные в приговоре выводы суда не подтверждаются показаниями Джамаловой М.М., данными ею в судебном заседании.

1.8. Не соответствует действительности содержащееся в описательно-мотивировочной части приговора указание о том, что допрошенный в суде свидетель обвинения Сулейманов Р.Г. утверждал о призывах подсудимого к мусульманам-салафитам объединяться против государственной власти и сотрудников правоохранительных органов.

В судебном заседании 06.09.2016 года указанный свидетель обвинения сообщил суду, что Магомедов Магомеднаби призывал к единению, братству, а также говорил о необходимости мирного обращения к властям для урегулирования проблемы некоторых притеснений мусульман. Он ничего не сообщал о призывах Магомедова Магомеднаби, адресованных к мусульманам-салафитам или к иным лицам объединяться против государственной власти и сотрудников правоохранительных органов.

Соответственно указанные в приговоре выводы суда не подтверждаются показаниями Сулейманова Р.Г., данными им в судебном заседании.

1.9. К показаниям засекреченного свидетеля Ахмедова А.А. суду следовало отнестись критически, т.к. достоверность его показаний вызывает обоснованные сомнения.

В судебном заседании 06.09.2016 года указанный засекреченный свидетель обвинения сообщил, что Магомедов Магомеднаби якобы собирал людей против работников

правоохранительных органов, призывал ехать в Сирию, призывал к вахабизму и говорил «будем людей убивать». Однако достаточно просто прочесть текст хутбы чтобы убедиться, что в ней нет ни слова о Сирии, о вахабизме, вообще не использовалось слово «убивать» и (или) синонимы этого слова.

В соответствии со ст.87 УПК РФ проверка доказательств производится судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

В соответствии с ч.1 ст.88 УПК РФ, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности - достаточности для разрешения уголовного дела.

Проверка показаний указанного свидетеля как доказательства по делу при неукоснительном соблюдении требований ст.87 УПК РФ, т.е. путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в настоящем уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство, судом фактически не произведена. Не была произведена оценка указанных показаний в совокупности с другими нижеприведенными доказательствами по делу. Сопоставление показаний этого свидетеля с имеющимися в деле доказательствами указывает на существенное искажение засекреченным свидетелем сведений об обстоятельствах хутбы, позволяет увидеть принципиальные различия в их показаниях по обстоятельствам дела и вызывает серьезные сомнения в достоверности показаний засекреченного свидетеля. Признаки недостоверности его показаний содержатся в самом проверяемом доказательстве, в его неясностях, неточностях, неполноте, противоречивости и несоответствии содержанию других доказательств, прежде всего показаниям других свидетелей.

В соответствии с п.6 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 N 1 (ред. от 16.04.2013 года) «О судебном приговоре», в приговоре необходимо привести всесторонний анализ доказательств, на которых суд основал выводы, при этом должны получить оценку все доказательства, как уличающие, так и оправдывающие подсудимого.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что всесторонний анализ доказательства – показаний засекреченного свидетеля Ахмедова А.А. судом первой инстанции не производился, т.к. в приговоре отсутствуют указание на исследование показаний указанного свидетеля в части имеющих место противоречий.

Изложенные в приговоре выводы суда основаны на указанных противоречивых показаниях засекреченного свидетеля Ахмедова А.А. и не соответствуют фактическим обстоятельствам дела.

В данном случае суд первой инстанции не учел обстоятельств, которые могли существенно повлиять на выводы суда по оценке достоверности показаний засекреченного свидетеля Ахмедова А.А.

1.10. Суд первой инстанции указал в приговоре, что показания Кабаева Т.С., Абдулаева А.Э., Алиева А.А. и Джамаловой М.М. носят субъективный характер и опровергаются совокупностью иных исследованных в судебном заседании доказательств, включая заключение эксперта и показания других свидетелей.

Однако в нарушение требований абзаца 2 п.3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 года №1 «О судебном приговоре», суд первой инстанции не только не раскрыл в приговоре содержание названных доказательств, т.е. не изложил существо других показаний свидетелей, но даже не указал о чьих именно показаниях идет речь в данном случае, не указал фамилии свидетелей, чьими показаниями опровергаются показания Кабаева Т.С., Абдулаева А.Э., Алиева А.А. и Джамаловой М.М.

1.11. Указывая в описательно-мотивировочной части приговора о том, что в основу приговора были положены показания свидетелей Базаева Р.Ш., Ашалова И.М. и Магомедова М.А., данные ими на предварительном следствии, суд был не вправе

ограничиваться только ссылкой на их перечень. В нарушение требований УПК РФ, суд в данном случае не привел в приговоре перечень обстоятельств, установленных с помощью указанных показаний, и послуживших основанием для вывода о наличии в содеянном Магомедовым Магомеднаби составов вменяемых ему преступлений.

Соответственно выводы суда, изложенные в приговоре, не подтверждаются доказательствами (прежде всего показаниями свидетелей), рассмотренными в судебном заседании.

В соответствии с п.1 ст.389.15 УПК РФ, основанием отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке является несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции.

В соответствии с п.1 и п.2 ст.389.16 УПК РФ, приговор признается не соответствующим фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, если выводы суда не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании, а также если суд не учел обстоятельств, которые могли существенно повлиять на выводы суда.

Вышеуказанные обстоятельства указывают на наличие установленных законом оснований для отмены приговора в апелляционном порядке, т.к. имеется несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции.

2. В соответствии с ч.3 ст.15 УПК РФ, суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

Однако, указанные требования закона по настоящему делу судом были нарушены.

Государственный обвинитель, выступая в прениях в судебном заседании 21.10.2016 года, указал, что показания свидетелей обвинения, по его мнению, позволяют установить только место и время совершения преступления, а иные обстоятельства «преступлений совершенных Магомедовым М.» по мнению государственного обвинителя, изложенному в ходе прений, установлены на основании иных доказательств по делу, в т.ч. на заключении лингвистической экспертизы. Тем самым государственный обвинитель, оценивая показания свидетелей, указал, что эти доказательства не позволяют установить иные, помимо места и времени, обстоятельства преступлений.

Закрепленный УПК РФ порядок доказывания по уголовным делам определяет бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подсудимого, лежит только на стороне обвинения (ч.1 и ч.2 ст.14 УПК РФ). Поэтому суд, не являясь органом уголовного преследования, не вправе был выступать на стороне обвинения, путем обоснования в описательно-мотивировочной части приговора доказанности обстоятельств формы вины, мотивов, целей и последствий совершения преступлений показаниями свидетелей, т.к. государственный обвинитель в ходе судебного не ссылаясь на свидетельские показания при обосновании своей позиции по вопросам доказанности иных, помимо места и времени совершения преступлений, обстоятельств.

Законом императивно определены не только полномочия суда в принятии любого вида судебного решения, но и условия, при соблюдении которых такое решение будет считаться законным. В силу конституционных положений соблюдение закона означает, что решение суда принимается исключительно в рамках закона, иное означает необоснованное расширение судебного усмотрения и, как следствие, искажает смысл правосудия. Соответственно указанное нарушение судом требований ч.3 ст.15 УПК РФ, свидетельствует именно о необоснованном расширении судебного усмотрения и искажении самого смысла правосудия в ходе рассмотрения уголовного дела в отношении Магомедова Магомеднаби.

Соответственно при рассмотрении настоящего уголовного дела судом были нарушен установленный ст.15 УПК РФ принцип состязательности сторон, и как следствие, затруднен доступ подсудимого Магомедова М. к правосудию.

В соответствии с ч.1 ст.389.17 УПК РФ, основаниями отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Допущенные судом нарушения уголовно-процессуального закона являются существенными, так как повлияли на всесторонность, полноту и объективность рассмотрения дела, способствовали вынесению незаконного и необоснованного приговора, что является безусловным основанием для отмены постановленного приговора.

3. В приговоре указано, что по заключению эксперта-лингвиста на видеозаписи хутбы Магомедова Магомеднаби 05.02.2016 года в Восточной мечети г.Хасавюрта имеются слова и высказывания:

- призывающие признать идеологию и практику терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании;

- содержащие призывы к осуществлению враждебных и насильственных действий в отношении лиц определенной религии, одной социальной группы против другой (против представителей власти и правоохранительных органов), в адрес которых также имеются слова и высказывания, содержащие резкую негативную оценку, выражающие неприязнь и враждебное отношение.

Сторона защиты в ходе выступления в прениях сторон подробно обосновала свое несогласие с выводами, содержащимися в заключении эксперта-лингвиста.

Кроме того, было заявлено мотивированное ходатайство о признании указанного экспертного заключения недопустимым доказательством.

Однако суд не согласился с доводами стороны защиты, обосновав свою позицию доводами, с которыми сторона защиты категорически не согласна.

3.1. Суд указал в описательно-мотивировочной части приговора, что эксперт приняла поручение о производстве экспертизы без нарушений предусмотренного ч.1 ст.199 УПК РФ порядка направления материалов уголовного дела для производства экспертизы. При этом суд отметил, что сопроводительное письмо с постановлением о назначении экспертизы было направлено в адрес руководителя отдела криминалистики СУ СК России по Республике Дагестан.

В соответствии с ч.1 ст.199 УПК РФ, при производстве судебной экспертизы в экспертном учреждении следователь направляет руководителю соответствующего экспертного учреждения постановление о назначении судебной экспертизы и материалы, необходимые для ее производства.

В соответствии с ст.1 Федерального закона от 31.05.2001 года №73-ФЗ (ред. от 08.03.2015 года) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», государственная судебно-экспертная деятельность осуществляется в процессе судопроизводства государственными судебно-экспертными учреждениями и государственными судебными экспертами (далее также - эксперт), состоит в организации и производстве судебной экспертизы.

В соответствии со ст.11 Федерального закона от 31.05.2001 года №73-ФЗ (ред. от 08.03.2015 года) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», государственными судебно-экспертными учреждениями являются специализированные учреждения федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, созданные для обеспечения исполнения полномочий судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей посредством организации и производства судебной экспертизы. Организация

и производство судебной экспертизы могут осуществляться также экспертными подразделениями, созданными федеральными органами исполнительной власти или органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В случаях, если производство судебной экспертизы поручается указанным экспертным подразделениям, они осуществляют функции, исполняют обязанности, имеют права и несут ответственность как государственные судебно-экспертные учреждения.

Однако в материалах уголовного дела отсутствуют сведения о том, что отдел криминалистики СУ СК России по Республике Дагестан является экспертным подразделением, созданным федеральным органом исполнительной власти (СК РФ).

В соответствии с ч.4 ст.235 УПК РФ, при рассмотрении ходатайства об исключении доказательства, заявленного стороной защиты на том основании, что доказательство было получено с нарушением требований УПК РФ, бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на прокуроре.

Государственный обвинитель (прокурор) после заявления стороной защиты ходатайства о признании доказательства (заключения эксперта) недопустимым и его исключении из перечня доказательств по уголовному делу не опроверг вышеуказанные доводы защиты, не представил суду сведений о том, что отдел криминалистики СУ СК России по Республике Дагестан может осуществлять экспертизы, в т.ч. лингвистические.

Суд не принял во внимание, что возложение на прокурора бремени опровержения доводов, представленных стороной защиты в ходатайстве об исключении доказательств как полученных с нарушениями требований закона является дополнительной гарантией права подсудимого на защиту. В данном случае рассмотрение ходатайств об исключении доказательств по делу было проведено с нарушением ч.4 ст.235 УПК РФ, так как прокурором не были опровергнуты доводы об их недопустимости, а оценка этих доказательств была дана судом в приговоре, то есть суд выступил на стороне обвинения и тем самым нарушил требования ст.14 УПК РФ.

В соответствии с ч.1 ст.389.17 УПК РФ, основаниями отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Допущенное судом нарушение уголовно-процессуального закона является существенным, так как повлияло на всесторонность, полноту и объективность рассмотрения дела, способствовали вынесению незаконного и необоснованного приговора, что является безусловным основанием для отмены постановленного приговора.

3.2. В соответствии с ст.5 Федерального закона от 31.05.2001 года №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», государственная судебно-экспертная деятельность осуществляется при условии точного исполнения требований Конституции РФ и иных нормативных правовых актов, составляющих правовую основу этой деятельности. Нарушение закона при осуществлении судебно-экспертной деятельности недопустимо и влечет за собой ответственность, установленную законодательством РФ.

В соответствии с ст.16 Федерального закона от 31.05.2001 года №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», эксперт не вправе принимать поручения о производстве судебной экспертизы непосредственно от каких-либо органов или лиц, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения.

Таким образом, ст.16 вышеуказанного федерального закона ограничивает права государственного судебного эксперта, запрещая ему принимать поручения о производстве судебной экспертизы непосредственно от каких-либо органов или лиц, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения. По смыслу данной

нормы органы предварительного следствия не имеют права обращаться за производством экспертизы непосредственно к эксперту, минуя руководителя экспертного учреждения.

Однако и.о. руководителя третьего отдела по расследованию особо важных дел СУ СК РФ по РД Ашурбеков Н.А. поручил проведение лингвистической судебной экспертизы непосредственно эксперту отдела криминалистики СУ СК РФ по РД Аджаматовой Д.З. минуя руководителя соответствующего экспертного подразделения (при его наличии в структуре СУ СК РФ по РД), а она, в свою очередь, приняла указанное поручение непосредственно от лица, производящего предварительное расследование.

Соответственно, имеет место нарушение требования ст.5 и ст.16 Федерального закона от 31.05.2001 года №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

В соответствии с ч.1 ст.75 УПК РФ, доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст.73 УПК РФ.

В соответствии с п.3 ч.2 ст.75 УПК РФ, к недопустимым доказательствам относятся доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ.

В соответствии с п.3 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 29.04.1996 года №1 (ред.от 16.04.2013 года) «О судебном приговоре», необходимо иметь ввиду, что в соответствии с положениями Конституции РФ и в силу ст.75 УПК РФ при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением закона.

Таким образом, суд первой инстанции используя для обоснования позиции о виновности Магомедова М. заключение эксперт-лингвиста, полученное с вышеуказанными нарушениями Федерального закона от 31.05.2001 года №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», допустил нарушение требований ч.1 ст.75 УПК РФ.

В соответствии с ч.1 ст.389.17 УПК РФ, основаниями отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Допущенное судом нарушение уголовно-процессуального закона является существенным, так как повлияло на всесторонность, полноту и объективность рассмотрения дела, способствовали вынесению незаконного и необоснованного приговора, что является безусловным основанием для отмены постановленного приговора.

3.3. В соответствии с п.5 ч.1 ст.204 УПК РФ, в заключении эксперта указываются сведения о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Таким образом, УПК РФ прямо закрепляет гарантии действия уголовно-правового запрета дачи экспертом ложного заключения.

В соответствии с ч.2 ст.199 УПК РФ, если экспертиза назначена в государственное судебно-экспертное учреждение, его руководитель не должен разъяснять эксперту его права и ответственность, предусмотренные ст.57 УПК РФ, т.е. государственного судебного эксперта не требуется каждый раз предупреждать об уголовной ответственности. Но это вовсе не означает, что государственный судебный эксперт не дает в ходе каждой экспертизы и приобщает к экспертному заключению подпись, что он предупрежден об ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Напротив, в п.5 ч.1 ст.204 УПК РФ подчеркивается, что эта подпись является обязательным атрибутом экспертного заключения, государственный эксперт в каждом экспертном заключении дает подпись, что знает об этой ответственности.

На первом листе заключения эксперта №213/05-25-15-734 (т.1 л.д.136) имеется подпись эксперта Аджаматовой Д.З. о том, что ей в соответствии с со ст.199 УПК РФ разъяснены права и обязанности эксперта, предусмотренные ст.57 УПК РФ. Там же имеется отметка о том, что об ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст.307 УК РФ она предупреждена. Дата оформления указанной расписки указана – 11.02.2016 года, т.е. задолго до возбуждения уголовного дела. Данное обстоятельство по мнению стороны защиты, изложенном в судебном заседании, является свидетельством того, что подпись экспертом фактически не давалась, что являлось самостоятельным основанием для признания указанного доказательства недопустимым.

В соответствии с ч.1 ст.75 УПК РФ, доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст.73 УПК РФ.

В соответствии с п.3 ч.2 ст.75 УПК РФ, к недопустимым доказательствам относятся доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ.

В соответствии с п.3 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 29.04.1996 года №1 (ред.от 16.04.2013 года) «О судебном приговоре», необходимо иметь ввиду, что в соответствии с положениями Конституции РФ и в силу ст.75 УПК РФ при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением закона.

Таким образом, суд первой инстанции используя для обоснования позиции о виновности Магомедова М. заключение эксперт-лингвиста, полученное с вышеуказанными нарушениями Федерального закона от 31.05.2001 года №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», допустил нарушение требований ч.1 ст.75 УПК РФ.

В соответствии с ч.1 ст.389.17 УПК РФ, основаниями отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Допущенное судом нарушение уголовно-процессуального закона является существенным, так как повлияло на всесторонность, полноту и объективность рассмотрения дела, способствовали вынесению незаконного и необоснованного приговора, что является безусловным основанием для отмены постановленного приговора.

3.4. При обосновании отказа в удовлетворении ходатайства защиты о признании экспертного заключения недопустимым доказательством суд указал в описательно-мотивировочной части приговора о допущенной экспертом опечатке. Однако с подобным обоснованием позиции суда нельзя согласиться на основании нижеизложенного.

3.4.1. В соответствии с ч.1 ст.88 УПК РФ, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности - достаточности для разрешения уголовного дела.

Суд оценивая показания эксперта Аджаматова Д.З. об обстоятельствах оформления подписки с точки их достоверности должен был обосновать в приговоре, почему он считает показания Аджаматовой Д.З. достаточными для разрешения указанного вопроса.

Достоверность доказательства не презюмируется, она определяется в результате тщательного установления всех обстоятельств дела, оценки доказательств в их совокупности, проверки каждого из них и т.д. Проверка показаний эксперта Аджаматовой Д.З. как доказательства по делу выполнена без соблюдения требований ст.87 УПК РФ, т.к. у суда не имелось иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Сторона обвинения, имея возможность это сделать (например, заявить ходатайство о допросе иных должностных лиц СУ СК РФ по РД), не реализовала свои

процессуальные полномочия по обеспечению достаточности доказательств для разрешения указанного вопроса. Обоснование такого решения только показаниями эксперта Аджаматовой Д.З., предоставленными в судебном заседании, нельзя признать достаточным для опровержения доводов стороны защиты, т.к. такое решение могло быть вынесено только при наличии совокупности исследованных судом доказательств, позволяющих обосновать позицию суда по данному вопросу.

В соответствии с ч.1 ст.389.17 УПК РФ, основаниями отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Допущенное судом нарушение уголовно-процессуального закона является существенным, так как повлияло на всесторонность, полноту и объективность рассмотрения дела, способствовали вынесению незаконного и необоснованного приговора, что является безусловным основанием для отмены постановленного приговора.

3.4.2. При этом в данном случае следует принять во внимание, что не была дана оценка доводам стороны защиты о возможной заинтересованности сотрудницы СУ СК РФ по РД Аджаматовой Д.З. в предоставлении суду недостоверных показаний под страхом своей ответственности за допущенное нарушение вышеуказанных требований действующего законодательства РФ, которое служит причиной признания указанного экспертного заключения недопустимым доказательством.

Прокурор указанные доводы защиты не опровергал, фактически сняв с себя бремя их опровержения. Фактически вместо государственного обвинителя это сделал суд, тем самым суд нарушил закрепленный УПК РФ порядок доказывания по уголовным делам, который определяет бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подсудимого, лежит только на стороне обвинения (ч.1 и ч.2 ст.14 УПК РФ). Суд, не являясь органом уголовного преследования, не вправе был выступать на стороне обвинения, обосновывая обстоятельства «достоверности» показаний эксперта-лингвиста Аджаматовой Д.З.

Законом императивно определены не только полномочия суда в принятии любого вида судебного решения, но и условия, при соблюдении которых такое решение будет считаться законным. В силу конституционных положений соблюдение закона означает, что решение суда принимается исключительно в рамках закона, иное означает необоснованное расширение судебного усмотрения и, как следствие, искажает смысл правосудия. Соответственно указанное нарушение судом требований ч.3 ст.15 УПК РФ, свидетельствует именно о необоснованном расширении судебного усмотрения и искажении самого смысла правосудия в ходе рассмотрения уголовного дела в отношении Магомедова Магомеднаби при оценки достоверности показаний эксперта Аджаматовой Д.З..

Соответственно при рассмотрении настоящего уголовного дела судом были нарушен установленный ст.15 УПК РФ принцип состязательности сторон, и как следствие, затруднен доступ подсудимого Магомедова М. к правосудию.

В соответствии с ч.1 ст.389.17 УПК РФ, основаниями отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Допущенные судом нарушения уголовно-процессуального закона являются существенными, так как повлияли на всесторонность, полноту и объективность рассмотрения дела, способствовали вынесению незаконного и необоснованного приговора, что является безусловным основанием для отмены постановленного приговора.

3.4.3. Указание в описательно-мотивировочной части приговора о том, что «данный факт является очевидным» (речь об описке), поскольку эксперт не мола производить экспертизу до возбуждения уголовного дела и направления ей соответствующих материалов не опровергает доводов защиты о том, что подписка эксперта не была оформлена надлежащим образом и что она могла быть оформлена экспертом Аджаматовой Д.З. до возбуждения уголовного дела или после проведения экспертизы, основан на предположении и какими-либо доказательствами по делу не подтверждается. Это свидетельствует и о нарушении судом требований ч.4 ст.302 УПК РФ, т.к. обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, в т.ч. и по вопросам доводов о допустимости либо недопустимости доказательств.

В соответствии с ч.1 ст.389.17 УПК РФ, основаниями отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Допущенное судом нарушение уголовно-процессуального закона является существенным, так как повлияло на всесторонность, полноту и объективность рассмотрения дела, способствовали вынесению незаконного и необоснованного приговора, что является безусловным основанием для отмены постановленного приговора.

3.5. Судом положено в основу приговора вышеуказанное экспертное заключение мотивировав свое решение тем, что оно является аргументированным и научно обоснованным, согласуется с показаниями свидетелей Ахмедова А.А. (засекреченный) и Сулейманова Р.Г., а также с оглашенными показаниями свидетеля Магомедова М.А.

В настоящей жалобе уже изложены доводы по оценке показаний засекреченного свидетеля Ахмедова и свидетеля Магомедова М.А., поэтому исходя из их содержания нельзя согласиться с выводом суда, что они согласуются с выводами эксперта-лингвиста. Поэтому я не буду повторять изложенные выше доводы апелляционной жалобы, а более детально остановлюсь на обосновании ошибочности выводов суда об аргументированности и научной обоснованности экспертного заключения Аджаматовой Д.З.

24.09.2016 года доктором филологических наук, профессором, заслуженным деятелем науки Кубани и Республики Адыгея, членом научно-методического совета при Правлении Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам Намитковой Розой Юсуфовной (специальность: «10.02.01 – русский язык»), экспертная специализация «судебная лингвистическая экспертиза», стаж научной работы 54 года и кандидатом филологических наук, доцентом Нефляшевой Индирой Аминовной (специальность: «10.02.01 – русский язык»), экспертная специализация «судебная лингвистическая экспертиза», стаж научной работы 21 год, стаж экспертной работы 21 год, на основании адвокатского запроса адвоката Областной адвокатской конторы Нижегородской областной коллегии адвокатов П.И. Заикина от 15.09.2016 года №51 был произведен анализ (исследование) экспертного заключения № 213/05-25-15-734 от 07.06.2016 года, выполненного экспертом СУ СК РФ по Республике Дагестан Д.З. Аджаматовой. Указанные специалисты-лингвисты провели детальное исследование по запросу адвоката и пришли к категорическому выводу, позволяющему аргументировано обосновывать позицию стороны защиты. Заключение и показания специалиста допускаются в качестве доказательств по уголовному делу, вопреки требованиям закона суд не дал им аргументированной и надлежащей оценки в приговоре.

3.5.1. Сторона защиты не согласна с позицией суда, изложенной в приговоре о том, что действующим уголовно-процессуальным законом не предусмотрено проведение иными лицами подобного исследования, предметом которого является заключение эксперта, в том числе с точки зрения соблюдения законодательства, регулирующего судебно-экспертную

деятельность, а также процедуру и порядок назначения экспертизы. Закон не содержит запрета на привлечение стороной защиты специалистов в различных областях знаний, в т.ч. и по данным вопросам. Кроме того, следует отметить, что анализ экспертного заключения требует специальных знаний в области лингвистики, именно поэтому сторона защиты реализовала свое установленное законом право на привлечение на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи.

В соответствии с п.4 ч.3 ст.6 Федерального закона от 31.05.2002 года №63-ФЗ (ред. от 02.06.2016) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предусмотрено, что защитник может привлекать специалиста в уголовном разбирательстве.

Специалист, привлеченный адвокатом для разъяснения вопросов, требующих использования специальных знаний, может дать как устную так и письменную консультацию (разъяснения) или выполнить исследование. По ходатайству адвоката подготовленная специалистом письменная консультация (разъяснение) или выполненное предварительное (доэкспертное) исследование могут быть приобщены к делу, что и было сделано при рассмотрении настоящего дела.

Таким образом, фактически судом произведено толкование содержания норм УПК РФ в контексте якобы имеющего место наличия запрета стороне защиты получать письменные суждения специалистов иначе как через сторону обвинения или суд. Основываясь на неверном понимании содержания требований УПК РФ, суд таким образом обосновал свое мнение о том, что сторона защиты якобы не может получать и представлять письменные суждения специалистов для оспаривания заключения эксперта, полученного и представленного стороной обвинения.

В соответствии с ч.1 ст.389.17 УПК РФ, основаниями отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Допущенное судом нарушение уголовно-процессуального закона является существенным, так как повлияло на всесторонность, полноту и объективность рассмотрения дела, способствовало вынесению незаконного и необоснованного приговора, что является безусловным основанием для отмены постановленного приговора.

3.5.2. Вышеуказанные специалисты изучили экспертное заключение № 213/05-25-15-734 от 07.06.2016 года, выполненного экспертом Д.З. Аджаматовой, видеоматериал под названием «Пятничная хутба 05.02.2016 Мухаммад Наби в Восточной Мечети Хасавюрта», содержащийся в сети Интернет по адресу: <http://m.youtube.com/watch?v=sP8EtbGrI08> и текст проповеди, предоставленный адвокатом Заикиным П.И. (примечание: специалистами анализировался видеоматериал под названием «Пятничная хутба 05.02.2016 Мухаммад Наби в Восточной Мечети Хасавюрта» с использованием текста проповеди (стенограммы), в которой высказывания на предположительно арабском языке переданы на русский язык с выделением их курсивом, некоторые мусульманские термины снабжены пояснением, данным в скобках).

Указанные специалисты для анализа использовали метод компонентного анализа, дефиниционный метод, предназначенные для анализа значений отдельных единиц текста и их представления в лексикографических источниках; метод параметрического моделирования (по М.А. Осадчому); описательно-аналитический метод, метод контекстуального анализа, предусматривающие непосредственное наблюдение исследуемых языковых структур и выявление закономерностей их функционирования в тексте.

В результате анализа экспертного заключения № 213/05-25-15-734 от 07.06.2016 года, выполненного экспертом Д.З. Аджаматовой (далее – Заключение), с точки зрения его научной и методической обоснованности и (или) достоверности выводов, соответствия рекомендациям, выработанным общей теорией судебной экспертизы, соблюдения

требований законодательства, регулирующего судебно-экспертную деятельность, было установлено:

а) Эксперт вышла за границы своей экспертной компетенции, т.к. имея специальность «Исследование продуктов речевой деятельности», она самостоятельно произвела расшифровку видеозаписи в виде стенограммы, которая является компетенцией фонографической (фоноскопической) экспертизы.

б) Как уже было отмечено выше, подпись отобрана у эксперта 11.02.2016, в то время как постановление о назначении судебно-лингвистической экспертизы вынесено 29.03.2016 года, что свидетельствует о том, что эксперт не был надлежащим способом предупрежден в соответствии с законодательством РФ об ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

в) В нарушение требований законодательства РФ подпись эксперта или эксперта не удостоверена печатью экспертного учреждения.

г) В ответе эксперта на вопрос №1, требующий применения методики лингвистического целевого анализа для выявления признаков побуждения, эксперт использует методику оценочно-экспрессивного анализа. Такое же нарушение в ответе на вопрос №3, т.к. эксперт утверждает о том, что «выявлены высказывания, в которых имеется совокупность разноуровневых единиц, объединенных оценочной семантикой и содержащих положительную оценку враждебных действий...». И наоборот, в ответе на вопрос №4, требующий применения методики оценочно-экспрессивного анализа, эксперт исследует побудительное содержание анализируемой видеозаписи.

д) Эксперт Аджаматова Д.З. в своем экспертном заключении демонстрирует неправильное понимание основ коммуникативной лингвистики – а именно структуры речевого акта, т.к. в анализируемой видеозаписи единственным адресантом (субъектом речи, говорящим) является Магомед Магомеднаби, следовательно, высказывания «адресант(ы) относят себя к группе «мусульмане», «обозначена адресантами как «немусульмане», «адресант в представленном тексте – «неравнодушные мусульмане», «прихожане», «имамы мечетей», «адресанты» не соответствуют истине. По мнению специалистов, это привело к ошибочным выводам в анализе коммуникативной ситуации. В качестве адресатов проповеди выступают прихожане мечети, являющиеся целевой аудиторией текста, с которыми соотносит себя адресант, употребляя местоимение «мы». Нецелевая аудитория у данной видеозаписи – вторичного происхождения, в силу размещения ролика на общедоступном ресурсе в сети Интернет. У первичного текста нецелевая аудитория отсутствует. Данное положение существенно ввиду принадлежности и адресанта, и адресатов к одной религиозной группе.

Таким образом, в анализируемом Заключении наблюдаются существенные недостатки методологического характера.

е) Специалисты также отметили, что эксперт проигнорировала важную с методической точки зрения необходимость всегда четко разграничивать общеупотребительные значения, отражающее общезыковое значение того или иного термина, и его понятийное содержание в той или иной специальной сфере (в данном случае – в юриспруденции при определении понятий экстремизм, террор, терроризм, угроза).

По мнению специалистов, некорректное применение методик анализа, недостатки методологического характера и неструктурированный понятийный аппарат ставят под сомнение научную и методическую обоснованность проведенного экспертного исследования.

ё) Специалисты установили, что эксперт совершила логическую ошибку, подменив понятие «мы» – прихожане мечети, слушающие проповедь, сконструированным им понятием «все мусульмане, которые не должны молчать», «нормальные мусульмане». Такие словосочетания в тексте проповеди вообще отсутствуют.

ж) Вывод эксперта о наличии высказываний с утверждением о противопоставлении групп лиц, объединенных по признаку отношения к религии, а также представителей власти и правоохранительных органов, коммунистов, несостоятелен и не подтверждается анализом видеозаписи. Группы лиц не противопоставлены по признаку религиозной

принадлежности (мусульмане vs. немусульмане). В качестве признака, объединяющего противопоставленную группу, не выделяется их принадлежность к правоохранительным органам, представителям власти, коммунистам и т.п.

з) Эксперт совершила также существенную логическую ошибку, устанавливая прямую связь между преимуществом одной группы лиц перед другой и наличием враждебного отношения и призывов к враждебным, насильственным действиям по отношению к выделенным им группам лиц. В данном случае коммуникация субъектов речи происходит в религиозной сфере (во время проповеди) и, таким образом, представляет собой религиозный дискурс с характерными для него особенностями: опорой на религиозную доктрину и священные тексты, указанием на свою веру как единственно истинную. Поэтому выделенные экспертом высказывания с утверждением о том, что на стороне верующих Бог (на стороне мусульман Аллах), будут характерны для любого текста религиозного содержания и для любой конфессии. Эксперт же сделала ошибочные выводы о наличии утверждений о преимуществе мусульман над «немусульманами», а затем о «наличии борьбы «мусульман» с «немусульманами» и даже более того, о «готовности к бою», при том, что слов «борьба» и «готовы к бою» анализируемая проповедь вообще не содержит.

и) Специалисты отмечают в своем заключении, что анализ видеозаписи показывает, что роль действующего субъекта в решении обсуждаемых вопросов отводится Аллаху: он устанавливает запретное (закрывать мечеть) и к нему обращаются за решением вопроса, он «уничтожит», «берет руководство», «унизит в судный день», а роль прихожан, слушающих проповедь, не связана с активными действиями. Поэтому вывод эксперта о наличии высказываний с утверждением о враждебном отношении и призывами к враждебным, насильственным действиям по отношению к выделенным группам лиц несостоятелен и не подтверждается анализом видеозаписи.

й) Специалисты указали в своем заключении, что выводы эксперта по вопросу №1 не являются следствием осуществленного исследования, т.к. из наличия высказываний с т.н. «борьбой мусульман и немусульман», негативной оценкой «немусульман» следует парадоксальный вывод о «наличии эксплицитно выраженного побуждения признать идеологию и практику терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании».

к) При обосновании ответа на вопрос №3 в анализируемом экспертном заключении указано, что «звучит идея, призыв выступающего к борьбе с притеснителями, к объединению, к слитию «в одно тело» за религиозные идеи, за идеи, звучащие в противовес законам тагута (законам Российского государства). В данном случае, по мнению специалистов, эксперт выходит за пределы своей экспертной компетенции. Утверждая об идентичности, равенстве между законами тагута и законами Российского государства, она разрешает вопросы, не относящиеся к компетенции лингвиста.

л) Специалисты также отметили, что экспертное заключение имеет большое количество фактических ошибок. В тексте проповеди отсутствуют следующие слова и высказывания:

- «все мусульмане, которые не должны молчать»;
- «нормальные мусульмане»;
- «джахиль»; - «немусульмане» ;
- «вы» (в значении «немусульмане»);
- «лжец Шайтан»;
- «А у вас от кого?»;
- «неравнодушные мусульмане»;
- «антифашисты»;
- «готовы к бою»;
- «много».

В тексте проповеди отсутствуют лозунги, в которых использованы существительные смерть, убийства, которые представляют собой свертки более развернутых ситуаций:

«желают смерти и призывают убивать», анализ которых кладется экспертом в основание промежуточных и окончательных выводов исследования.

В ходе допроса в судебном заседании эксперт Аджаматова Д.З. не смогла пояснить причину столь значительного количества ошибок, ограничившись пояснением, что это не могло повлиять на ее выводы. С этим нельзя согласиться, т.к. указанные слова и выражения она использовала именно при обосновании своих выводов.

м) Специалисты отметили, что в анализируемом экспертном заключении не содержится инклюзивный призыв-лозунг, о наличии которого утверждает эксперт, но даже не пытается это каким-либо образом обосновать.

н) Специалисты отмечают и то, что эксперт совершила ошибку, рассматривая слова «унижение» и «уничтожение» в качестве полных синонимов. Столь грубое нарушение, полный анализ которого приведен в тексте заключения специалистов, по мнению защиты является свидетельством не только полной некомпетентности эксперта, но и признаком недостаточного знания русского языка, предоставляемого в объеме общеобразовательной школьной программы.

о) Специалисты также указывают на имеющееся в экспертном заключении ошибочное утверждение о том, что «акцентологическое повторение отрицательной частицы «не» «мы не хотим сделать какой-то преступление, мы не хотим идти против какой-то система» говорит об обратном намерении выступающего. Специалисты в своем заключении произвели детальное обоснование указанной грубейшей ошибки эксперта, хотя в указанном случае даже лицу, не являющемуся специалистом в области лингвистики, владеющего русским языком на общеобразовательном уровне, предоставляемом в объеме обычной школьной программой средней школы, очевидна абсурдность подобного утверждения эксперта Аджаматовой Д.З.

Таким образом, все вышеизложенное в подпунктах «а»-«о» настоящего раздела апелляционной жалобы, позволяет утверждать, что абсолютно верными являются выводы специалистов-лингвистов о том, что ввиду отсутствия должной научной и методической обоснованности исследования, логических и фактических ошибок, несоответствия рекомендациям, выработанным общей теорией судебной экспертизы, анализируемое экспертное заключение № 213/05-25-15-734 от 07.06.2016 года, выполненное экспертом Д.З. Аджаматовой, не соответствует принципам объективности, всесторонности и полноты исследования, а выводы указанного исследования не являются достоверными.

Суд первой инстанции обязан был сформулировать свое мнение по всем исследованным доказательствам, оценить все изложенные доводы. Но из содержания приговора следует, что имеет место отсутствие непосредственного исследования вышеуказанного заключения специалистов. Вышеизложенные обстоятельства дела (суждения специалистов по материалам лингвистической экспертизы) не были оценены надлежащим образом и доводы, содержащиеся в заключении этих специалистов, не были приняты им во внимание.

В соответствии с п.3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 года №1 (ред. от 16.04.2013 года) «О судебном приговоре», ссылаясь в приговоре на показания допрошенных по делу лиц, заключение эксперта, протоколы следственных и судебных действий и иные документы (в т.ч. суждения специалистов, изложенные в письменном виде), подтверждающие, по мнению суда, те или иные фактические обстоятельства, необходимо раскрыть их содержание.

Указанное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ обязывает тем самым нижестоящие суды не ограничиваться перечислением источников (формы закрепления) сведений, но и анализировать содержание доказательств. Однако в данном случае этого сделано не было, содержание описательно-мотивировочной части приговора не обеспечивает необходимый уровень истинности содержащихся в них сведений, т.к. доказательства в них лишь приводятся, но не анализируются. Фактически из-за не полного анализа указанного доказательства (письменно изложенных суждений специалистов-лингвистов) суд не учел обстоятельств, которые могли существенно повлиять на выводы суда при постановке приговора.

В соответствии с п.2 ст.389.16 УПК РФ, приговор признается не соответствующим фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, если суд не учел обстоятельств, которые могли существенно повлиять на выводы суда.

В соответствии с п.1 ст.389.15 УПК РФ, основанием отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке является несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции.

Таким образом, с учетом того, что суд не учел обстоятельств, которые могли существенно повлиять на выводы суда при постановке приговора, данный приговор подлежит отмене.

4. По ходатайству стороны был осуществлен допрос одной из двух специалистов – Нефляшевой И.А., которая в ходе допроса, будучи предупрежденной об уголовной ответственности, полностью подтвердила сведения, содержащиеся в указанном заключении специалистов. При этом, особо стоит отметить, что указанные показания специалиста Нефляшевой И.А. вообще не получили оценки судом в приговоре.

В соответствии с п.3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 года №1 (ред. от 16.04.2013 года) «О судебном приговоре», при постановлении приговора должны получить оценку все рассмотренные в судебном заседании доказательства, как подтверждающие выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, так и противоречащие этим выводам.

Отсутствие в приговоре оценки показаний специалиста Нефляшевой И.А. свидетельствует о том, что суд не оценил все рассмотренные в судебном заседании доказательства по уголовному делу, в данном случае – доказательства, обосновывающие невиновность подсудимого.

В соответствии с ч.1 ст.389.17 УПК РФ, основаниями отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Допущенное судом нарушение уголовно-процессуального закона является существенным, так как повлияло на всесторонность, полноту и объективность рассмотрения дела, способствовали вынесению незаконного и необоснованного приговора, что является безусловным основанием для отмены постановленного приговора.

5. В соответствии с п.23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 года №11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», при назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды.

Однако на разрешение эксперту поставлены вопросы следующего содержания:

1) Имеются ли в представленном на исследование материале слова и высказывания, призывающие признать идеологию и практику терроризма (воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанными с устрашением населения и иными формами противоправных насильственных действий) правильными, нуждающимися в поддержке и в подражании?

2) Имеются ли в представленном на исследование материале слова и высказывания, содержащие призывы к террористической деятельности (организацию, планирование,

подготовку, финансирование, реализацию, подстрекательство к террористическому акту, вербовки, вооружения, обучения использованию террористов, информационного или иного пособничества в планировании, подготовке или реализации террористического акта) и оправдание терроризма?

3) Имеются ли в представленном на исследование материале слова и высказывания, содержащие призывы к осуществлению каких-либо враждебных или насильственных действий в отношении лиц определенной национальности, конфессии, религии (вероисповедания), этноса, одной социальной группы против другой?

4) Имеются ли в представленном на исследование материале слова и высказывания, содержащие резкую негативную оценку, выражающие неприязненное, враждебное отношение в адрес отдельного представителя или какой-либо национальной, конфессиональной, религиозной, этнической или социальной группы по сравнению с другими социальными категориями?

Подобная формулировка вопросов свидетельствует о том, что при назначении судебных экспертиз по указанном делу была допущена постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с именно оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование.

Несмотря на то, что эксперты не могут отвечать на вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, являются ли материалы экстремистскими или направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды. Эксперт Аджаматова Д.З. в своем заключении дала ответы что:

1) В представленном на исследование материале имеются слова и высказывания, призывающие признать идеологию и практику терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и в подражании.

2) В представленном на исследование материале имеются слова и высказывания, содержащие призывы к осуществлению враждебных и насильственных действий в отношении лиц определенной религии (вероисповедания), одной социальной группы против другой (против представителей власти и правоохранительных органов, коммунистов).

3) В представленном на исследование материале имеются слова и высказывания, содержащие резкую негативную оценку, выражающие неприязненное, враждебное отношение в адрес отдельного представителя или определенной религиозной и социальной группы по сравнению с другими социальными категориями (против представителей власти и правоохранительных органов, коммунистов).

Именно это имеет место и в настоящем деле, т.к. эксперт Аджаматова Д.З. фактически осуществляет оценку деяний Магомедова Магомеднаби, отвечая на правовые вопросы, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда, формулирует вышеуказанные ответы, указывая квалификационные признаки норм УК РФ.

В соответствии с ст.8 Федерального закона от 31.05.2001 года №73-ФЗ (ред. от 08.03.2015 года) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме.

В нарушение требований вышеуказанного федерального закона, эксперт Аджаматова Д.З. вышла за пределы своей профессиональной компетенции, указанное заключение не может считаться допустимым и использоваться для обоснования виновности Магомедова Магомеднаби.

В соответствии с ч.1 ст.75 УПК РФ, доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст.73 УПК РФ.

В соответствии с п.3 ч.2 ст.75 УПК РФ, к недопустимым доказательствам относятся доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ.

В соответствии с п.3 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 29.04.1996 года №1 (ред.от 16.04.2013 года) «О судебном приговоре», необходимо иметь ввиду, что в соответствии с положениями Конституции РФ и в силу ст.75 УПК РФ при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением закона.

Таким образом, суд первой инстанции используя для обоснования позиции о виновности Магомедова М. заключение эксперт-лингвиста, полученное с вышеуказанными нарушениями Федерального закона от 31.05.2001 года №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», допустил нарушение требований ч.1 ст.75 УПК РФ.

В соответствии с ч.1 ст.389.17 УПК РФ, основаниями отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Допущенное судом нарушение уголовно-процессуального закона является существенным, так как повлияло на всесторонность, полноту и объективность рассмотрения дела, способствовали вынесению незаконного и необоснованного приговора, что является безусловным основанием для отмены постановленного приговора.

Доводы, изложенные в настоящей апелляционной жалобе, указывают на наличие оснований отмены вышеуказанного приговора Северо-Кавказского окружного военного суда в апелляционном порядке по основаниям, предусмотренным п.1 и п.2 ст.389.15 УПК РФ, т.к. имеет место несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, а также существенное нарушение уголовно-процессуального закона.

С учетом вышеизложенного, руководствуясь ч.1 389.1 УПК РФ и п.2 ч.1 ст.389.20 УПК РФ,

прошу Суд:

Отменить обвинительный приговор Северо-Кавказского окружного военного суда от 24.10.2016 года в отношении Магомедова Магомеднаби (без отчества), 03.10.1972 г.р., осужденного за совершение преступлений, предусмотренных ч.1 ст.205.2 УК РФ и ч.1 ст.282 УК РФ, и вынести в отношении него оправдательный приговор по всем предъявленным обвинениям.

Адвокат _____ Заикин П.И.

« ___ » _____ 2016 года